

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Карен Хорни

ПСИХОЛОГИЯ
ЖЕНЩИНЫ

Мастера психологии (Питер)

Карен Хорни

Психология женщины

«Питер»

УДК 88.373
ББК 159.922.1

Хорни К.

Психология женщины / К. Хорни — «Питер», — (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-0-39-331080-1

Книга является значительной работой выдающегося ученого-психоаналитика Карен Хорни, яркой представительницы «неофрейдизма», которая бросила вызов пессимизму и терапевтическому аскетизму великого австрийца.

Книги Хорни написаны легким, образным, ярким языком и понятны даже неспециалистам. Невероятно популярные в свое время, они и сегодня не утратили своей значимости. «Психология женщины» – это критика идей Фрейда о психологических последствиях анатомического различия между мужчиной и женщиной. Во всех работах Хорни прекрасно изображены типичные внутренние конфликты человека, мастерски выполнено описание людей, с которыми чуть не ежедневно сталкиваются не только психологи и психотерапевты, но и все мы в обыденной жизни. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 88.373
ББК 159.922.1

ISBN 978-0-39-331080-1

© Хорни К.
© Питер

Содержание

Предисловие	6
Статья 1. О развитии комплекса кастрации у женщин[1]	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карен Хорни

Психология женщины

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Мастера психологии», 2018

Предисловие

Все более возраставшая неудовлетворенность классической фрейдовской теорией в итоге привела к тому, что в середине 30-х годов в психоанализе стало складываться новое направление, представители которого сосредоточили основное внимание на культурных и социальных условиях, определяющих формирование личности человека, его поведение и внутренние конфликты. Это направление получило название «неофрейдизм», одной из наиболее ярких фигур которого наряду с Эрихом Фроммом и Гарри Стеком Салливаном несомненно является Карен Хорни – блестящий критик Фрейда и автор собственной оригинальной теории, оказавшей значительное влияние на дальнейшее развитие психоанализа.

Карен Хорни родилась 16 сентября 1885 года в Гамбурге в семье капитана норвежского флота Берншта Даниэльсена, принявшего в дальнейшем немецкое гражданство. Это был богобоязненный, строгих правил и скупой на слова человек, в силу своей профессии редко бывавший дома. Несомненно, большее влияние на Карен оказала ее мать, Клотильда Ронзелен, голландка по происхождению, которая на семнадцать лет была моложе своего мужа и, наоборот, отличалась свободомыслием, которое сумела привить и своей дочери.

Прежде чем закончить медицинский факультет Берлинского университета, Карен Хорни училась в университетах Фрайбурга и Гёттингена. После завершения учебы она проработала несколько лет в психиатрической клинике. Еще в студенческие годы во многом под влиянием лекций Карла Абрахама, ставшего, по сути, первым ее учителем, у нее пробудился интерес к психоанализу, который и стал делом всей ее жизни.

Хорни являлась одним из первых членов Берлинского психоаналитического объединения, а в 1920 году, когда Макс Эйтингон основал Берлинский психоаналитический институт, – одним из первых его сотрудников. Коллегами Хорни были такие выдающиеся аналитики, как Карл Абрахам и Ганс Захс, у которых она прошла учебный анализ. Но все же, по собственному признанию Хорни, на формирование ее взглядов особое влияние оказали Харальд Шульц-Хенке и Вильгельм Райх: Шульц-Хенке – работами об интенциональности и актуальных конфликтных ситуациях, Райх – своими представлениями о защитных тенденциях характера. Без сомнения, теория Хорни складывалась также и под влиянием индивидуальной психологии Альфреда Адлера.

В начальный период своей деятельности, который продлился более пятнадцати лет, Хорни, несмотря на критику ряда положений Фрейда, была все же приверженцем классического, ортодоксального психоанализа. Поворотным пунктом в ее жизни явился переезд в 1932 году из Берлина в Чикаго, куда ее пригласил в качестве второго директора только что созданного Чикагского психоаналитического института Франц Александер. Это сотрудничество продлилось, правда, недолго, и уже в 1934 году Хорни переехала в Нью-Йорк.

После приезда в США в течение примерно семи лет она занималась разработкой собственной теории. Многие ее формулировки отражали социальные и культурные течения 30-40-х годов в Соединенных Штатах, царивший в стране либерально-демократический дух. Она категорически протестовала против принципиального фрейдовского пессимизма и постоянно подчеркивала присущий человеку потенциал развития и роста. Мишенью ее критики явился также и фрейдовский биологический детерминизм, поскольку она усматривала в нем недооценку социально обусловленных аспектов неврозов. Хорни приобрела многочисленных сторонников в рядах социальных работников, психологов и психиатров. Ее книги, написанные легким языком и понятные даже неспециалистам, были необычайно популярны – возможно, также и потому, что воспринимались как альтернатива пессимистическим воззрениям Фрейда на человека и его терапевтическому скептицизму.

С другой стороны, именно за свои взгляды и отступничество от ортодоксального психоанализа Хорни подверглась нападкам со стороны своих американских коллег и в 1941 году была исключена из Американской психоаналитической ассоциации. После этого Хорни создала альтернативную Ассоциацию развития психоанализа, в которой она активно работала все последние годы жизни. Умерла Карен Хорни в Нью-Йорке 4 декабря 1952 года.

Идеи Карен Хорни прошли в своем становлении несколько этапов, каждый из которых внес существенный вклад в развитие аналитической теории. Если ранние ее научные труды позволяют говорить о ней как основателе, наряду с Хелен Дойч, науки о женской психологии, то в последующих работах она предстает как яркий представитель культуралистского направления в психоанализе и автор одной из наиболее разработанных концепций невротического конфликта и психологических защит.

В 20-х – начале 30-х годов, еще преподавая ортодоксальную теорию в Берлинском психоаналитическом институте, Хорни начала расходиться с Фрейдом по ряду принципиальных вопросов в воззрениях на психологию женщины и попыталась изменить психоаналитическую теорию изнутри, подвергнув критике идею Фрейда о психологических последствиях анатомического различия между полами. Уже в первых своих статьях Хорни стремилась показать, что женщина обладает лишь ей присущими биологической конституцией и особенностями развития, которые нельзя рассматривать с мужских позиций как некую неполноценность. Она пыталась обосновать исключительно женские психологические проблемы как результат подчиненного положения женщины в современном «маскулинном» обществе, продуктом которого является и чисто мужское представление о женщине в психоанализе: «Психоанализ – творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Вполне естественно и закономерно, что им гораздо легче было изучать мужскую психологию и что развитие мужчин им было более понятно, чем развитие женщин». Исходя из этого она задает неожиданный вопрос: почему же мужчина стремится видеть женщину именно в таком свете, – и приходит к выводу, что из-за относительно малой роли мужчины в прокреации он испытывает бессознательную зависть к женщине и отсюда желание обесценить женщину, причем эта зависть, если судить по интенсивности дискредитирующей тенденции, у мужчины гораздо сильнее женской «зависти к пенису».

Подобный мужской взгляд на женщину она объясняла потребностью доминирующей в обществе стороны создать идеологию, необходимую для обеспечения своего господствующего положения, видя в женщине источник угрозы мужскому самолюбию. Этот страх, проистекающий из осознания мальчиком собственной уязвимости, побуждает взрослого мужчину в качестве компенсации выдвигать на передний план идеал креативности, добиваться сексуальных «побед» или унижать объект любви. И наоборот, женщине с детских лет нет необходимости доказывать свою женскую состоятельность, а потому такой нарциссический страх перед мужчиной у нее отсутствует.

Впрочем, Хорни полагала, что для многих женщин характерны зависть к мужчинам и неудовлетворенность своей женской ролью, которые приводят к формированию «комплекса маскулинности». Поначалу она считала, что этот комплекс является неизбежным, поскольку именно благодаря ему женщина получает возможность справиться с чувствами вины и тревоги, возникших в результате эдиповой ситуации. В дальнейшем, однако, Хорни рассматривала его как следствие преимущественного положения мужчин в современном обществе и влияния социального окружения.

Хорни критикует также психоаналитическую теорию исконной мазохистской роли женщины, показывая, что такая концепция лишь отражает стереотипы мужской культуры, и раскрывает социальные условия, приводящие к формированию мазохистских тенденций у женщины.

Необходимо, однако, отметить, что, хотя Хорни посвятила значительную часть своей профессиональной жизни проблемам женской психологии, она ограничивалась лишь небольшими очерками и ее перу не принадлежат какие-либо крупные работы в этой области. И только во многом благодаря Гарольду Келману, подготовившему и опубликовавшему в 1967 году сборник ее статей под общим названием «Психология женщины», мы имеем теперь возможность оценить тот вклад, который внесла Хорни в теорию женского психоанализа. Во всех этих ранних работах мы обнаруживаем любопытную смесь из идей классического фрейдовского психоанализа об эдиповом комплексе, либидо, зависти к пенису, регрессии и т. д. и собственных представлений о роли культуры в формировании человеческой личности. И в то же время мы видим, как акцент в ее работах все более смещался в сторону последних факторов. Вполне логичным итогом такого развития явился отход Хорни от ортодоксального психоанализа и разработка собственной теории.

В 1935 году она оставила область женской психологии, считая роль культуры одинаково важной в формировании психики женщины и мужчины. В лекции под названием «Страх женщины перед действием» Хорни выразила идею, что целью психоаналитической терапии должно быть содействие «полному и всестороннему развитию личности каждого человека».

В 1937 году выходит книга «Невротическая личность нашего времени», знаменовавшая переход к резкой оппозиции по отношению к фрейдовским теориям. В «Новых путях в психоанализе» (1939) она еще больше дистанцировалась от Фрейда, отвергнув его тезис, что возникновение неврозов зависит от инстинктивных и генетических компонентов, и выступив с критикой фрейдовской теории либидо, концепций тревоги и нарциссизма. В 1942 году Хорни публикует «Самоанализ» как платформу для своих теоретических взглядов. Эта книга явилась первым руководством по самоанализу, которое должно было помочь людям самим преодолевать собственные проблемы. Двумя последними своими работами «Наши внутренние конфликты» (1945) и «Невроз и личностный рост» (1950) Карен Хорни уже настолько отделилась от основных фрейдовских концепций, что о каком-либо сопоставлении их теорий теперь не могло быть и речи.

В своих работах Хорни отвергает фрейдовскую идею биологического детерминизма и отстаивает онтологическую позицию «здесь и теперь». Если Фрейда занимало прежде всего развитие невроза, то Хорни – его структура. Для нее определяющие психологическую ситуацию человека силы лежат в его нынешнем бытии, то есть в личных и социальных обстоятельствах в данное время. Невротические тенденции индивида являются, соответственно, не результатом врожденных физиологических и биологических условий, а следствием важных интерперсональных событий. Хорни здесь интересовал прежде всего вопрос, как эти тенденции осуществляются здесь и теперь, каким функциям они служат и каким образом поддерживаются. Хотя и она придавала конституциональным и наследственным компонентам определенное значение, но по сути отстаивала идею доминирования приобретенного поведения по сравнению с врожденным. Она была твердо убеждена, что человек, покуда он жив, способен к изменениям и что воспитание для развития индивида является гораздо более важным, чем его природная предрасположенность. В этом ее подход разительным образом отличался от классического психоанализа и не мог не вызвать критики со стороны ортодоксальных аналитиков.

Еще одним пунктом расхождения между Хорни и Фрейдом явилось представление о внутреннем ядре личности. В «Недомогании культуры» Фрейд пессимистически утверждал, что внутреннее ядро человека представляет собой деструктивную силу, покрытую лишь тонким слоем цивилизации. Хорни выступает против этой фаталистической позиции, будучи убежденной в том, что все люди содержат в себе конструктивное ядро, которое стремится к самореализации. Теоретические построения Карен Хорни основаны на глубокой вере в то,

что заложенный в человеке потенциал, несмотря на подавление со стороны семьи, общества и культуры, способен к освобождению.

Это представление напоминает понятие об интенциональности экзистенциалистов или идею Гартманна о бесконфликтной сфере Я. Шульц-Хенке говорит в этой связи об активных, в отличие от реактивных, компонентах личности, которые уже с самого раннего детства ищут возможности выражения. Хорни твердо верила в здоровое ядро личности человека, способное противостоять враждебному и манипулирующему внешнему миру, а потому для нее невроз – это особая форма самоотречения и отчуждения. Но и в этом случае человеческий потенциал остается сохранным и способным к реализации.

В своих работах Хорни говорит о глубокой беспомощности маленького ребенка, который вступает в жизнь совершенно беззащитным. Эта экзистенциальная ущербность выражается в чувстве тревоги, покинутости и изолированности, а также в крайней потребности в тепле и привязанности. От поведения окружающих, в первую очередь от семьи, зависит, как будет развиваться ребенок: останется ли он здоровым или превратится в невротика.

По сути, Хорни рассматривает два пути развития, из которых один ведет к здоровью, а другой – к неврозу. В одном случае родители способствуют самореализации ребенка, в другом случае, когда невроз родителей не позволяет им относиться к ребенку с теплом и любовью, у него возникают крайне болезненные чувства тревоги и неуверенности в себе. Чтобы справиться с этими чувствами, ребенок вынужден вооружиться рядом стратегических защитных установок. Невротические защитные механизмы служат прежде всего избеганию какой бы то ни было непосредственной конфронтации с базальной тревогой. Из-за этого чувства и поведение ребенка уже не являются выражением его самого, а диктуются стратегиями защиты, которые в конечном счете приводят человека к конфликту с самим собой и своим окружением, поскольку он не способен ни обратиться к своим Богом данным возможностям, ни интегрироваться конструктивным образом в мир людей. Согласно представлениям Хорни, этот общий процесс осуществляется целиком бессознательно. Для решения конфликта она считает важным не столько повторное переживание этого раннего опыта, сколько когнитивное и интеллектуальное осознание актуальных способов реагирования и лежащей в их основе тревоги. В противном случае защитные механизмы становятся составной частью того, что Хорни называет «порочным кругом», когда неудача защитной установки приводит к росту тревоги и соответственно усилению защитных тенденций. В конечном счете защитные механизмы пронизывают всю личность и приводят к формированию не только отдельных, изолированных невротических установок, но и невротической жизненной позиции в целом. Иными словами, это означает, что невротическая попытка смягчить страх не только не приводит к успеху, но и вызывает новую враждебность и новую тревогу.

Пытаясь совладать с тревогой, человек вырабатывает сразу несколько противоположных защитных стратегий. При этом речь идет не о простой полярности чувств, а одновременной потребности, например, к подчинению, агрессии и избеганию. В результате человек оказывается во власти неразрешимых конфликтов, которые зачастую являются динамическим центром невроза. Попавший в эту сеть невротического поведения человек вынужден обратиться к стандартным стратегиям межличностных взаимоотношений, проявляющихся в направленности к людям, против людей либо от людей. Эти стратегии Хорни называет по-разному: в «Наших внутренних конфликтах» она вводит понятия соглашательства, агрессии и ухода, тогда как в «Неврозе и личностном росте» речь идет о смирении, экспансии и обособлении; впрочем, оба ряда терминов взаимозаменяемы. Первый тип поведения характеризуется подчинением и зависимостью, второй – преобладанием антагонистических установок, третий – механизмов избегания и изоляции. В рамках этих трех типов поведения невротик отдает предпочтение той или иной стратегии, которая в дальнейшем становится типичной для всей его личности, причем выбор стратегии обычно определяется не столько самим человеком, сколько реакциями

его окружения. Другие же тенденции не исчезают раз и навсегда, а продолжают существовать в бессознательном, проявляясь в завуалированном виде.

Внутри вышеописанных типичных способов поведения, по мнению Хорни, можно выделить четыре основные формы: 1) доминирование невротической тенденции, когда все остальные тенденции подавляются, игнорируются или отрицаются; 2) навязчивую потребность в эмоциональной и пространственной дистанции от окружения, которую Хорни называет обособлением. Эта установка изолирует человека как от самого себя, так и от других и в конечном счете приводит к фрустрации изнутри; 3) экстернализация, которая представляет собой проективный процесс, когда отказ, фрустрация и прочие внутренние проблемы воспринимаются как вызванные извне, и 4) направленность на «идеализированный образ Я». На этой последней установке остановимся более подробно.

Одним из главных новшеств Карен Хорни, без сомнения, была ее концепция идеализированного Я. Тем самым она отошла от фрейдовского деления на Я, Сверх-Я и Оно и прежде всего сконцентрировала свое внимание на феномене образа себя. Идеализированное Я соответствует во многом образу, который скорее отражает некие социальные амбиции, навязанную систему ценностей общественного устройства, отчуждающие индивида от его внутренних стремлений, и препятствует процессу самореализации.

Процесс самоидеализации непосредственно связан с межличностными стратегиями защиты, которые определяют тот набор качеств, которые невротик приписывает себе в соответствии со своим идеалом: альтруизм, щедрость, уступчивость, благородство, сострадателность – у человека смиренного типа; необыкновенные ум, упорство, реалистичность, энергичность, непогрешимость и справедливость – у человека экспансивного типа и самодостаточность, независимость, свобода от страстей и желаний – у обособленного типа. Движимый идеализированным образом Я, невротик пускается «в погоню за славой»; его энергия, необходимая для самореализации, отвлекается на другую цель – сделать актуальным идеализированное Я. Именно эта цель делает его жизнь наполненной смыслом. Погоня за славой превращается в «личную религию», содержание которой определяют невротические установки самого индивида и существующие в обществе системы ценностей. Но в этой погоне за славой невротик так и не достигает столь желанного успокоения и чувства собственного превосходства. Более того, постоянные неудачи в достижении этой цели приводят к разрастанию образа «презренного Я», который и становится мишенью самокритики.

По мнению Хорни, возможность избавиться от подобных ложных представлений заключена в способности человека устанавливать искренние и доверительные отношения с другими людьми, в которых обе стороны могут общаться свободно. Благодаря такому опыту расширяется поле видения и тем самым возрастают шансы на более реалистичную самооценку. В формулировках своих терапевтических целей Хорни особое значение придает развитию таких качеств, как чувство ответственности, спонтанность, доверие к себе и искренность. Под чувством ответственности она понимает способность принимать решения без посторонней помощи и действовать исходя из собственных убеждений, то есть противоположность чувству беспомощности. Спонтанность предполагает более открытое эмоциональное поведение. Сюда относится весь спектр чувств от глубокой депрессии до душевного подъема, от негативных переживаний до позитивных, от самых сокровенных чувств до полного доверия. Только подобная эмоциональная спонтанность обеспечивает удовлетворительные дружеские и любовные отношения. Под доверием к себе имеется в виду определенная ясность относительно собственной системы ценностей и своих приоритетов. Сюда же относятся и уважение ценностей других людей и умение считаться с другими в обыденной жизни. Честность означает способность с наибольшей объективностью и непредвзятостью делать свои заключения.

Система Карен Хорни не лишена недостатков, которые не раз подвергались справедливой критике. Ее иногда сравнивают с полотном художника, написанным широкими мазками,

но в котором не прорисованы детали. Так, верно говоря в целом о роли семьи как первого социального окружения в формировании здоровой или невротической личности, она оставляет без внимания такие важные в формировании невроза факторы, как динамика семейных отношений, позиция ребенка в иерархии семьи, тип отношений между родителями, установки среди братьев и сестер и т. д.

Серьезную критику вызвало также утверждение Хорни, что невротическое развитие ребенка чуть ли не целиком определяется тем, насколько невротичны его родители, – эмпирического подтверждения оно не нашло. И наоборот, не существует также надежных доказательств того, что любовь родителей – даже если они избавлены от невротических проблем – является гарантией от невроза.

Будет ребенок развиваться невротически или нет, зависит от многих факторов, и многие упрекают Хорни в том, что она ушла от этой проблемы. Кроме того, она полностью игнорировала биологическую сторону, которая, разумеется, есть у каждого человека. Хорни верно считает, что воспитание является более важным для развития и сохранения невроза, чем природа. Но это не значит, что роль природы должна вообще отрицаться. Еще одним недостатком ее теории является то, что она не пыталась выявить принцип раскрытия присущих человеку способностей в соответствующих благоприятных условиях.

В своих работах Хорни особое значение придавала социальным и культурным факторам в развитии неврозов и подчеркивала, что аспекты приспособления играют более важную роль для невротического поведения, чем лежащие в его основе влечения. Вместе с тем Хорни не использовала в полной мере социологические и антропологические данные. Все, что она говорит на этот счет, представляется поверхностным и лишенным попытки установить какие-либо общие связи. Вместе с тем большее внимание междисциплинарным вопросам значительно обогатило бы ее теории и придало бы им более солидный базис.

И тем не менее при всех этих недостатках многие воззрения Хорни имеют непреходящую ценность. Во многих областях психоаналитического исследования она первая обратилась к эмоциональным компонентам, которые до нее не учитывались: чувствам безысходности, беспомощности и безнадежности, противоречию между высокой оценкой социального успеха, с одной стороны, и христианскими принципами любви к ближнему и стремлением каждого к любви и привязанности – с другой, а также показала, какое огромное значение в жизни человека имеет потребность в уверенности и самоуважении. Разумеется, не могла не остаться без последствий и ее резкая критика фрейдовского пансексуализма.

Книги Хорни изобилуют прекрасными и яркими изображениями типичных внутренних конфликтов человека, а ее типология характеров представляет собой мастерски выполненное описание людей, с которыми чуть ли не ежедневно сталкиваются не только клиницисты и психотерапевты, но и, пожалуй, все мы в нашей обыденной жизни.

Есть и еще один момент, в котором единодушны все, включая даже самых строгих ее критиков, – это требование Хорни рассматривать человека в контексте его реальных жизненных обстоятельств, а не теоретических абстракций. Значение этого требования трудно переоценить, тем более что, говоря словами Франца Александера, всегда есть искушение «заменить действительное наблюдение и понимание реального человека значительно менее беспокойными теоретическими выкладками».

А. М. Боковиков

Статья 1. О развитии комплекса кастрации у женщин¹

Хотя наши знания относительно форм проявления комплекса кастрации у женщин становятся все более полными², соответствующего прогресса в понимании самой природы этого комплекса так и не произошло. Обилие собранного материала, ставшего уже общим достоянием, поражает даже гораздо сильнее, чем удивительный характер феномена в целом, который сам по себе становится проблемой. Изучение наблюдавшихся до сих пор форм комплекса кастрации у женщин и анализ сделанных из этих наблюдений выводов показывает, что главенствующая ныне концепция комплекса кастрации основывается на некотором фундаментальном убеждении, которое кратко можно было бы сформулировать следующим образом (отчасти я цитирую *дословно* работу Абрахама): многие женщины и в детстве, и в зрелом возрасте временно или хронически испытывают страдания из-за своего пола. Эти проявления в душевной жизни женщины прослеживаются от раннего детского желания обладать пенисом. Горестное открытие, что она полностью обделена пенисом, служит толчком для пассивных фантазий о кастрации, в то время как активные фантазии возникают из мстительного порыва, направленного на мужчину как на более благополучное существо.

В этой формулировке мы обнаруживаем в качестве аксиомы предположение, что женщина чувствует себя ущербной именно из-за своих гениталий, причем эта идея сама по себе не рассматривается в качестве проблемы, вероятно, потому, что с точки зрения мужского нарциссизма она казалась слишком очевидной, чтобы нуждаться в каком-либо объяснении. Тем не менее вывод, к которому приводит нас подобный путь исследования, – а именно что половина человечества не довольна собственным полом и что преодолеть это недовольство удастся только при исключительно благоприятных условиях – представляется совершенно неудовлетворительным, причем с точки зрения не только женского нарциссизма, но и биологической науки. Потому и возникает вопрос: неужели и вправду те формы комплекса кастрации, которые мы обнаруживаем у женщин и которые оказывают столь значительное влияние не только на развитие неврозов, но и на формирование характера и судьбу вполне нормальных с житейской точки зрения женщин, основываются исключительно на неудовлетворенном желании иметь пенис? Или это лишь фасад (по крайней мере в большинстве случаев), за которым скрываются динамические силы, уже знакомые нам из исследований формирования неврозов?

Я полагаю, что к этой проблеме можно подойти с нескольких сторон. Сейчас я хочу лишь предложить, исходя из чисто онтогенетической точки зрения и в надежде помочь ее решению, некоторые соображения, постепенно укоренившиеся во мне в результате многолетней практической работы с пациентами, среди которых подавляющее большинство составляли женщины с явно выраженным комплексом кастрации.

Согласно господствующей концепции, комплекс кастрации у женщин всецело обусловлен комплексом зависти к пенису; фактически как синоним того и другого используется термин «комплекс маскулинности». Поэтому сразу же напрашивается вопрос: чем же объясняется, что мы можем наблюдать пресловутую зависть к пенису едва ли не как неизменный, типичный феномен, даже когда субъект не ведет мужской образ жизни, не имеет предпочитаемого брата, наличие которого объясняло бы эту зависть, а в жизни женщины не произошло

---

¹ Доклад, прочитанный на VII Международном психоаналитическом конгрессе, Берлин, сентябрь 1922 г. Zur Genese des weiblichen Kastrationskomplexes. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., IX (1923), S. 12-26; On the Genesis of the Castration Complex in Woman. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. V, Part 1 (1924), pp. 50-65.

² Abraham K., Manifestations of the Female Castration Complex (1921). – Int. J. Psycho-Anal., Vol. III, p. 1.

тех «несчастных случаев»³, из-за которых роль мужчины могла бы показаться ей более привлекательной?

Самым важным моментом здесь, похоже, была сама постановка вопроса: как только проблема была сформулирована, давно уже знакомый нам материал сам начал предлагать один ответ за другим. Возьмем, к примеру, в качестве исходного пункта ту форму, в которой зависть к пенису проявляется, пожалуй, непосредственно, а именно – желание мочиться по-мужски. Критический анализ материала вскоре показывает, что это желание состоит из трех компонентов, причем более важным может быть то один из них, то другой, то третий.

О первом компоненте, *уретральном эротизме*, можно рассказать совсем вкратце, поскольку этому фактору уже уделялось достаточно много внимания как наиболее очевидному. Если мы хотим оценить интенсивность зависти, возникающей из данного источника, нам следует прежде всего сосредоточить внимание на том нарциссически преувеличенном значении⁴, которое дети придают экскреторным процессам. Фантазия о всемогуществе, особенно садистского характера, наиболее часто ассоциируется как раз со струей мочи, испускаемой мужчиной. В качестве примера подобной идеи – и это лишь один пример среди многих – я могу рассказать то, что слышала от учеников мужской школы: по их словам, если два мальчика будут писать так, чтобы струйки пересеклись и образовали крест, тот, чье имя они при этом загадают, умрет.

Но, даже если признать, что уретральный эротизм может вызывать у маленьких девочек сильное чувство ущербности, напрямую приписывать, как это до сих пор часто делается, этому фактору все симптомы и фантазии, содержащие желание мочиться по-мужски, означало бы непомерно преувеличивать его роль. Напротив, движущую силу, которая вызывает и поддерживает это желание, зачастую надо искать совсем в иных компонентах влечения и прежде всего в активной и пассивной скоптофилии. Это связано с тем обстоятельством, что именно во время акта мочеиспускания мальчик может показать свои гениталии и увидеть их сам, более того, его поощряют делать это, и таким образом, когда мальчик мочится, он может в некотором смысле удовлетворить свое сексуальное любопытство, по крайней мере в отношении собственного тела.

Фактор, коренящийся в инстинкте скоптофилии, я особенно отчетливо наблюдала у одной моей пациентки, у которой в течение некоторого времени желание мочиться по-мужски доминировало во всей клинической картине. В этот период она почти каждый раз являлась на анализ с заявлением, что видела на улице мочащегося мужчину, а однажды со всей непосредственностью воскликнула: «Если бы я могла попросить дар у Провидения, я бы попросила хоть разок суметь помочиться как мужчина!» Слова, которыми она заключила это пожелание, с очевидностью обнаружили его происхождение: «Уж тогда-то я бы узнала, как на самом деле устроена». Именно то обстоятельство, что мужчины могут посмотреть на себя, когда мочатся, а женщины нет, для этой пациентки, развитие которой в значительной мере остановилось на догенитальной стадии, было одним из основных источников явно выраженной зависти к пенису.

Точно так же, как женщина кажется мужчинам загадочной, поскольку ее гениталии скрыты, так и мужчина представляет собой для женщин объект острой зависти именно потому, что его половой орган полностью доступен для обозрения.

Тесная связь между уретральным эротизмом и скоптофилическим инстинктом была очевидна еще у одной моей пациентки, которую я назову Y. Она мастурбировала весьма необычным способом, который имитировал мочеиспускание ее отца. В неврозе навязчивости, которым страдала данная пациентка, основным фактором был скоптофилический инстинкт; она испытывала острую тревогу из-за мысли, что кто-нибудь другой увидит, как она мастурбирует.

³ Freud S., Tabu der Virginitat. – Sammlung kleiner Schriften, 4. Folge.

⁴ Abraham K., Zur narzistischen Überwertung der Excretionsvorgänge in Traum und Neurose. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., 1920.

Тем самым она давала выход давнему желанию маленькой девочки: «Я хочу, чтобы у меня тоже был половой орган, который я могла бы, как отец, каждый раз показывать при мочеиспускании».

Более того, я полагаю, что именно этот фактор играет основную роль во всех случаях чрезмерной девичьей скромности и стыдливости, и даже склонна предположить, что различие в мужской и женской одежде, по крайней мере в нашем цивилизованном обществе, вероятно, можно свести к этому же обстоятельству – девочка не может выставить напоказ свои гениталии, и поэтому в смысле своих эксгибиционистских тенденций она регрессирует до той стадии, на которой желание показать себя относится ко всему ее телу. Этим и объясняется, почему женщина носит декольте, а мужчина – фрак. Я думаю также, что этой связью до некоторой степени объясняется и тот критерий, который всегда упоминается первым, когда обсуждают различия между мужчиной и женщиной, а именно большая субъективность у женщин и большая объективность у мужчин. Объяснение, возможно, состоит в том, что мужчина способен удовлетворить свой исследовательский интерес в изучении собственного тела, и поэтому его любопытство в дальнейшем может или даже должно быть направлено на внешние объекты, тогда как женщина, напротив, не может прийти к ясному знанию о себе, и поэтому ей гораздо труднее стать свободной от самой себя.

И наконец, это желание, которое я рассматриваю как прототип зависти к пенису, включает в себе и третий компонент, а именно – вытесненную тенденцию к онанизму, как правило, глубоко затаенную, но тем не менее очень важную в смысле причины. Этот элемент можно проследить до связи идеи (обычно бессознательной), в соответствии с которой тот факт, что мальчикам позволено держаться за свои гениталии во время мочеиспускания, воспринимается как разрешение мастурбировать.

Так, пациентка, в присутствии которой отец отругал свою маленькую дочь за то, что та дотрагивалась своими ручонками до запретных частей тела, рассказывая мне об этом, с негодованием воскликнула: «Ей он это запрещает, а сам проделывает такое по пять-шесть раз на день!» То же самое можно с легкостью обнаружить в случае пациентки Y, для которой мужской способ мочеиспускания стал решающим фактором в выборе способа мастурбации. Более того, в этом случае совершенно очевидно, что она не могла полностью избавиться от побуждения мастурбировать до тех пор, пока бессознательно претендовала на то, чтобы быть мужчиной. Наблюдая этот случай, я пришла к выводу, который, как мне кажется, является довольно типичным: девочкам особенно трудно преодолеть желание мастурбировать, поскольку им кажется, будто из-за различий в строении тела они несправедливо лишены того, что дозволено мальчикам. Или же в терминах нашей проблемы эту мысль можно сформулировать иначе и сказать, что различие в строении тела может с легкостью порождать горькое чувство несправедливости, и поэтому довод, используемый позднее для оправдания отказа от женственности, а именно, что мужчины обладают большей свободой в половой жизни, на самом деле основан на актуальных переживаниях раннего детства. Ван Офюйзен в заключении к своей работе о комплексе маскулинности у женщин подчеркивает сильное впечатление, возникшее у него в процессе анализа, о существовании тесной взаимосвязи между комплексом маскулинности, детской мастурбацией клитора и уретральным эротизмом. Такую же связь, наверное, можно было бы обнаружить и в только что изложенных мною рассуждениях.

Эти рассуждения, подводящие нас к ответу на наш первоначальный вопрос – почему явление зависти к пенису столь типично, – вкратце можно подытожить следующим образом: чувство неполноценности у маленькой девочки, на которое указывал еще Абрахам, отнюдь не является первичным. Однако ей кажется, что в сравнении с мальчиками она подвергается более строгим ограничениям, лишаящим ее возможности удовлетворить некоторые компоненты влечения, имеющие огромное значение в догенитальный период. Чтобы быть более точной, я бы даже сказала, что, с точки зрения ребенка, находящегося на этой стадии развития,

девочки и в самом деле находятся в невыгодном положении по сравнению с мальчиками в смысле определенных возможностей получения удовлетворения. До тех пор пока нам не будет достаточно ясна *реальность* этого невыгодного положения, мы не поймем, что зависть к пенису представляет собой едва ли неизбежное явление в жизни девочек, которое осложняет их развитие. Тот факт, что потом, когда девочка достигнет зрелости, на ее долю выпадет огромная роль в сексуальной жизни (в творческом отношении, пожалуй, даже большая, чем на долю мужчины), – я имею в виду, когда она станет матерью, – на этой стадии развития никак не может послужить компенсацией для маленькой девочки, поскольку лежит вне возможностей непосредственного удовлетворения.

Здесь я прерву эту линию рассуждений, ибо подхожу ко второй, более сложной проблеме: действительно ли обсуждаемый нами комплекс кастрации ограничивается завистью к пенису и можно ли рассматривать эту зависть как основную силу, порождающую данный комплекс?

Начав с этого вопроса в качестве исходного пункта, мы должны рассмотреть, какие факторы определяют, будет ли комплекс зависти к пенису более или менее успешно преодолен или же, регрессивно усилившись, он приведет к фиксации. Обсуждение этих возможностей вынуждает нас более детально исследовать *формы объектного либидо* в подобных случаях. При этом мы обнаружим, что девочки и женщины, столь явно выражающие желание быть мужчиной, на заре своей жизни прошли через фазу чрезвычайно сильной фиксации на отце. Иными словами: первое время они пытались преодолеть эдипов комплекс обычным способом, сохраняя изначальную идентификацию с матерью и, подобно матери, выбирая отца в качестве объекта любви.

Мы знаем, что на этой стадии девочка располагает двумя возможностями преодоления комплекса зависти к пенису без всякого ущерба для себя. От аутоэротического нарциссического желания иметь пенис она может перейти к женскому стремлению к мужчине (или отцу), а именно через идентификацию себя с матерью, либо к материнскому желанию иметь ребенка (от отца). Изучая дальнейшую любовную жизнь как здоровых, так и отклоняющихся от нормы женщин, следует иметь в виду, что (даже в самых благоприятных случаях) источник или по крайней мере один из источников той и другой установки был по своему характеру нарциссическим, а по своей природе представлял собой желание обладать.

В рассматриваемых нами случаях такое женское или материнское развитие было явно выраженным. Так, у пациентки Y, чей невроз, как и у других женщин, на которых я буду здесь ссылаться, носил печать комплекса кастрации, постоянно возникали фантазии об изнасиловании, весьма характерные для этой фазы. В мужчинах, которые представлялись ей в роли насильников, безошибочно угадывался образ отца. Следовательно, эти фантазии неизбежно возникали как навязчивое повторение первичной фантазии, в которой пациентка, до поздних лет чувствовавшая себя одним целым с матерью, переживала, что вместе с ней всецело сексуально принадлежит отцу. Следует отметить, что пациентка, сохранявшая в остальном полную ясность рассудка, в начале анализа была склонна считать свои фантазии об изнасиловании реальным событием.

В других случаях также наблюдалась – хотя и в иной форме – подобная тенденция цепляться за фикцию, будто эта первичная женская фантазия представляет собой реальный факт. От другой пациентки, которую я назову X, я слышала бесчисленные высказывания, содержавшие прямые доказательства того, насколько реальными казались ей эти любовные отношения с отцом. Однажды, к примеру, она вспомнила, как отец напевал ей романс, и вместе с этим воспоминанием у нее вырвался крик боли и разочарования: «Ах, все это оказалось ложью!» Та же идея скрывалась и за одним из ее симптомов, который я упоминаю здесь постольку, поскольку он типичен для всей группы подобных случаев: временами X испытывала непреодолимое желание в больших количествах есть соль. Ее матери было предписано есть соль из-за легочных кровотечений, которые неоднократно случались в пору раннего детства пациентки и

которые она бессознательно сочла последствием полового акта между родителями. Симптом, таким образом, указывал на ее бессознательное притязание пережить с отцом все то же, что и мать. Это же притязание заставляло ее считать себя проституткой (на самом деле она была девственницей) и побуждало к разного рода признаниям, которые она изливала на очередной объект любви.

Многочисленные наблюдения подобного рода показывают нам, насколько важно понимать, что на этой ранней стадии – в качестве онтогенетического повторения филогенетического опыта – девочка, основываясь на идентификации (враждебной или любовной) со своей матерью, создает фантазию о том, что ей довелось пережить полноценную сексуальную связь с отцом; более того, мы должны учитывать, что в фантазии это событие представляется реальным событием, таким же подлинным фактом, каким оно было в те далекие времена, когда все женщины первоначально являлись собственностью своего отца.

Мы знаем, что естественной участью этой фантазии о любви является отрицание ее реальностью. В тех случаях, когда в дальнейшем начинает преобладать комплекс кастрации, подобная фрустрация часто превращается в глубокое *разочарование*, неизгладимые следы которого сохраняются в неврозе. Таким образом возникает в той или иной степени выраженное нарушение в развитии чувства реальности. Зачастую создается впечатление, что эмоциональная привязанность к отцу слишком сильна, чтобы можно было признать полную нереальность подобной связи; в других случаях, похоже, с самого начала имел место избыток фантазии, препятствовавший верному восприятию реальности; и наконец, реальные отношения с родителями часто являются настолько неблагоприятными, что заставляют ребенка цепляться за фантазию.

Этим пациенткам кажется, будто отец когда-то в самом деле был их любовником, но затем предал их или покинул. Иногда эта фантазия сменяется сомнением: «Неужели я все это придумала, или это и вправду было?» У пациентки, которую я назову Z (на ее случае я должна ненадолго остановиться), подобная склонность к сомнениям проявилась в навязчивом повторении, принявшем форму тревожности: всякий раз, когда мужчина проявлял к ней интерес, она боялась, что его чувства существуют только в ее воображении. Даже когда она была действительно помолвлена, ей приходилось все время убеждать себя, что все это не плод ее воображения. В фантазии она представляла себе, как на нее напал какой-то человек, а она ударом в лицо сбила его с ног и наступила ему ногой на пенис. Развивая эту фантазию, она собиралась подать на обидчика жалобу в суд, но воздержалась от этого опять же из страха, как бы тот не заявил, что она все это выдумала. Рассказывая о пациентке, я упоминала, что она сомневалась в реальности своих фантазий об изнасиловании и что это сомнение было связано с ее первоначальными отношениями с отцом. В ее случае оказалось возможным проследить путь, которым сомнение, проистекавшее из этого источника, распространилось на все события ее жизни и в конечном счете послужило причиной невроза навязчивости. В данном случае, как и во многих других, в ходе анализа обнаружилось, что этот источник сомнений имеет более глубокие корни, нежели известная нам неуверенность субъекта в собственном поле⁵.

У пациентки X, которая с удовольствием погружалась в бесконечные воспоминания о раннем периоде жизни, называя его своим детским раем, это разочарование было тесно связано в ее памяти с несправедливым наказанием, которому в возрасте пяти или шести лет подверг ее отец. Позднее выяснилось, что как раз в это время родилась сестренка, которая, как ей казалось, вытеснила ее из сердца отца. Когда же были вскрыты более глубокие слои, стало ясно, что за ревностью к сестре скрывалась неистовая ревность к матери, прежде всего связанная с ее постоянными беременностями. «Мать *вечно* нянчила младенцев», – сказала она как-то раз с возмущением. Еще сильнее были вытеснены два других, без сомнения, столь же

⁵ Фрейд объяснял это сомнение как неуверенность субъекта в своей способности любить (ненавидеть).

важных источника ее ощущения отцовской неверности. Первым была сексуальная ревность к матери, возникшая в тот момент, когда девочка увидела половой акт родителей. В тот период чувство реальности не позволило ей инкорпорировать увиденное в фантазию о себе как отцовской любовнице. На след этого источника ее чувств меня навела одна ослышка: однажды, когда я заговорила о времени «nach der Enttagusching» (после разочарования), она решила, что я имею в виду «Nacht der Enttagusching» (ночь разочарования), и вспомнила о Брангене, бодрствовавшей во время ночи любви Тристана и Изольды.

Навязчивое повторение у этой пациентки гласило языком не менее ясным: типичным переживанием в ее любовной жизни было влюбиться в очередного эрзац-отца, а затем обнаружить его неверность. В связи с событиями подобного рода стал полностью очевиден и последний источник ее комплекса – я имею в виду чувство вины. Несомненно, значительная часть этих чувств образовалась из упреков, первоначально направленных против отца, но затем обернувшихся против нее самой. Однако можно было весьма отчетливо проследить, каким образом чувства вины, особенно те, что возникли вследствие сильнейших импульсов устранив мать (для пациентки идентификация с матерью имело значение «разделаться с нею» и «заменить ее»), вызвали в ней ожидание беды, касавшееся, разумеется, прежде всего отношений с отцом.

Я хочу подчеркнуть, что особенно важным в данном случае мне представляется *желание иметь ребенка* (от отца)⁶. Причина, почему я делаю на нем акцент, состоит в том, что, на мой взгляд, мы склонны недооценивать бессознательную силу этого желания и в особенности его либидинозный характер, поскольку в дальнейшем Я готово признать это желание с гораздо большей легкостью, нежели многие другие сексуальные импульсы. Его отношение к комплексу зависти к пенису – двоякого рода. С одной стороны, хорошо известно, что инстинкт материнства получает «бессознательное либидинозное подкрепление»⁷ от желания иметь пенис, желания, возникающего гораздо раньше, поскольку оно присуще аутоэротическому периоду. Затем, когда маленькая девочка переживает вышеописанное разочарование в отношениях с отцом, она отказывается не только от своих притязаний на него, но и от желания иметь ребенка. Вслед за этим (в соответствии с известным уравнением) регрессивно возникают идеи, присущие анальной фазе, и желание иметь пенис. Когда такое происходит, желание иметь пенис не просто оживает, но и подкрепляется всей энергией желания девочки иметь ребенка.

Эту связь особенно отчетливо я наблюдала в случае пациентки Z, которая, избавившись от нескольких симптомов невроза навязчивости, сохранила в качестве последнего, наиболее стойкого симптома интенсивный страх перед беременностью и родами. Переживания, вызвавшие этот симптом, были связаны с беременностью матери и рождением брата, когда пациентке было два года; наблюдения за половым актом родителей, продолжавшиеся в период, когда она уже вышла из младенческого возраста, содействовали тому же результату. Долгое время этот случай казался мне исключительно удачным примером для иллюстрации центрального значения комплекса зависти к пенису. Когда в процессе анализа зависть к пенису (своего брата) и бешеная ярость к нему как к пришельцу, лишившему ее привилегии быть единственным ребенком, были раскрыты, они вошли в сознание, заряженные сильным аффектом. Кроме того, ее зависть сопровождалась всеми теми проявлениями, которые мы обычно приписываем этому чувству: прежде всего мстительным отношением к мужчинам наряду с явно выраженными фантазиями о кастрации, отказом от задач и функций женщины, особенно от беременности, и, наконец, выраженной бессознательной гомосексуальной тенденцией. И только когда анализ вопреки сильнейшему сопротивлению пациентки позволил проникнуть в более глубокие слои, стало очевидно, что источником зависти к пенису была ее зависть к матери, поскольку мать, а

⁶ Rank O., Perversion and Neurosis. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. IV, Part 3.

⁷ Freud S., Über Triebumsetzung, insbesondere der Analerotik (1917).

не она, родила от отца ребенка, и лишь впоследствии в результате замещения вместо ребенка объектом зависти стал пенис. Точно так же ее неистовый гнев против брата на самом деле относился к отцу, который, как ей казалось, предал ее, и к матери, которая вместо нее родила от отца ребенка. И только когда это замещение было устранено, она действительно избавилась от зависти к пенису и желания быть мужчиной, обретя способность быть настоящей женщиной и даже желание самой иметь детей.

Что же это был за процесс? Схематично его можно было бы изобразить следующим образом: 1) зависть к ребенку заместились завистью к брату и его гениталиям; 2) далее вступил в действие механизм, открытый Фрейдом, – пациентка отказалась от отца как объекта любви и регрессивно заменила объектные отношения с ним идентификацией.

Последнее проявилось в тех претензиях на роль мужчины, о которых я уже говорила. Нетрудно было доказать, что ее желание быть мужчиной отнюдь не следует понимать в обычном значении, – подлинной целью ее притязаний было сыграть роль собственного отца. Поэтому она выбрала себе ту же профессию, а после смерти отца обращалась с матерью словно супруг, который предъявляет жене требования и дает указания. Однажды, не сдержав шумной отрыжки, она с удовлетворением подумала: «Прямо как папа». Тем не менее она не достигла точки, когда выбор объекта становится полностью гомосексуальным: развитие объектного либидо скорее было нарушено в целом, в результате чего произошла явная регрессия к аутоэротической нарциссической стадии. Подведем итог: замещение зависти, связанной с детьми, завистью к брату и его пенису, идентификация с отцом и регрессия к догенитальной фазе – все это действовало в одном направлении: возбуждение сильной зависти к пенису, которая затем вышла на передний план и, похоже, стала преобладать в общей картине.

На мой взгляд, такой ход развития эдипова комплекса является типичным для тех случаев, в которых доминирует комплекс кастрации. Происходит следующее: в фазе идентификации идентификация с матерью в значительной степени уступает место идентификации с отцом и одновременно происходит регрессия к догенитальной стадии. Этот процесс идентификации с отцом я считаю одним из источников развития комплекса кастрации у женщин.

Здесь мне хотелось бы заранее отвести два возможных возражения. Одно из них могло бы выглядеть примерно так: в подобном колебании между отцом и матерью, без сомнения, нет ничего особенного. Напротив, его можно наблюдать у каждого ребенка, и мы знаем, что, согласно Фрейду, либидо каждого из нас всю жизнь колеблется между мужскими и женскими объектами. Другое возражение связано с проблемой гомосексуализма, и его можно было бы сформулировать следующим образом: в статье о психогенезе женской гомосексуальности Фрейд убедительно показал, что подобное развитие в направлении идентификации с отцом является одной из причин открытой гомосексуальности; я же описываю этот процесс как приводящий к комплексу кастрации. Чтобы ответить на это возражение, я хотела бы подчеркнуть, что именно эта статья Фрейда помогла мне понять природу комплекса кастрации у женщин. Этот комплекс возникает именно в тех случаях, когда, с одной стороны, размах колебаний либидо с количественной точки зрения значительно превосходит нормальный, а с другой стороны, вытеснение любовного отношения к отцу и идентификация с ним оказываются не столь успешными, как в случаях гомосексуализма. Таким образом, сходство двух направлений в развитии не может служить аргументом против их значимости для развития комплекса кастрации у женщин; напротив, тем самым и гомосексуализм перестает казаться обособленным явлением. Мы знаем, что там, где доминирует комплекс кастрации, всегда имеет место более или менее выраженная тенденция к гомосексуальности. Играть роль отца в некотором смысле означает также и желать мать. Между нарциссической регрессией и гомосексуальным объектным катексисом возможны любые градации сходства, так что мы получаем непрерывный ряд, кульминационно завершающийся открытой гомосексуальностью.

Третье возражение, которое здесь напрашивается, относится к временной или причинной связи между идентификацией с отцом и завистью к пенису и звучит следующим образом: не являются ли отношения комплекса зависти к пенису и процесса идентификации с отцом прямо противоположными вышеописанным? Не может ли быть так, что для того, чтобы установилась устойчивая идентификация с отцом, вначале должна возникнуть сильная зависть к пенису? Я полагаю, нельзя отрицать, что особенно сильная зависть к пенису (будь то конституциональная или возникшая в результате личного опыта) приводит к переориентации, в результате которой пациентка отождествляет себя с отцом; тем не менее изложенные мною случаи, как и многие другие, показывают, что, несмотря на зависть к пенису, у девочек формировалось сильное и целиком женское любовное отношение к отцу, и только тогда, когда эта любовь терпит крах, происходит отказ от женской роли. Этот отказ и последующая идентификация с отцом оживляют зависть к пенису, и только когда зависть подпитывается из столь мощных источников, это чувство может проявить себя в полной мере.

Для такого перехода к идентификации с отцом необходимо, чтобы хоть немного пробудилось чувство реальности; тогда девочка неизбежно перестанет довольствоваться, как прежде, исполнением своего желания иметь пенис исключительно в фантазии – теперь она начнет размышлять над отсутствием у нее этого органа или о том, как его приобрести. Направление этих размышлений обусловлено общей аффективной диспозицией девочки; она характеризуется следующими типичными установками: еще не совсем ослабленной женской любовной привязанностью к отцу, чувствами неистовой ярости и мести по отношению к нему из-за пережитого разочарования и, наконец, но не в последнюю очередь, чувствами вины (связанными с инцестуозными фантазиями), которые стремительно возникают под гнетом лишений. Таким образом, все эти чувства неизменно относятся к отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.